

УДК 37.017.4(4+7)(3)

Ахмедова М.Г.

ЛИЦОМ К ЗАПАДУ ПЯТИМСЯ НА ВОСТОК?

Ключевые слова: западный технократизм, восточный фанатизм, цивилизационное поведение, интеллектуально-духовные ориентиры, «иностранцы» и народ, воспитательные ценности.

Понятия «Восток» и «Запад» у европейцев вполне определены, состоят из контрастов, и граница между ними лежит вне пределов их стран. Другое дело Россия – она сама и Восток, и Запад, с какой стороны посмотреть. Поэтому в контексте формирования ценностных ориентаций личности в условиях интеграции контрастных культур уникальной является история становления культуры народов на территории России, включающей в свой состав европейцев и азиатов. Эта особенность служит предметом постоянных споров между «славянофилами» и «западниками». Образно можно говорить о трех путях-ценностях России: на Запад пойдешь – *себя потеряешь*; на Восток пойдешь – *козленочком станешь*; прямо пойдешь – *один останешься*.

К. Холодковский среди линий идейно-политического размежевания в России отмечает роль оси «западничество – почвенничество». Уже с XVI–XVII вв., «когда соприкосновение с иноземными захватчиками выявило отставание русской державы от Запада, в верхах общества начал складываться национальный комплекс неполноценности, хотя они прикрывались разговорами о цивилизационных особенностях самобытной Руси» [9]. В настоящее время этот комплекс обуславливает, с одной стороны, поверхностную двойственность государственных ценностных приоритетов, которые отражаются в символах России, политике (ориентация как на образец на западные страны при восточном окружении), экономике (стремление к соревнованию в производстве товаров с западными странами, будучи их основным сырьевым поставщиком) и т.д.

С другой стороны, это отражается на глубинных духовных процессах, происходящих в каждой личности: сочетание националистических на-

строений по образцу западного фашизма с религиозными идеями в духе восточного фанатизма; поиск новых смыслов в старом духовном наследии; стремление к западному образу жизни при восточном характере взаимоотношений между людьми и т.д.

В области образования и воспитания студенчества Россия мечется между европеизацией образования и православной христианизацией и русификацией воспитания. Другие народы вынуждены вырабатывать свои региональные религиозно-национальные идеи, и это часто идет вразрез с идеей консолидации граждан страны. В связи с этим мы провели исследование ценностных ориентаций дагестанской студенческой молодежи между полюсами «Восток – Запад». Кроме бесед и интервью, был проведен ранжированный опрос более 700 респондентов, результаты которого отражены в таблице.

**Ранжирование ценностных ориентаций
«Запад-Восток» дагестанского студенчества**

Твой выбор	Без-различно	Как считают окружающие	Как на Востоке	Как на Западе
Одежда, прическа, вид	16	28	28	28
Дом	9	26	14	51
Вторая половина	12	29	26	34
Родственные связи	14	43	32	12
Образ жизни	10	16	44	30
Права	7	16	22	55
Государство	14	16	16	54
Образование	5	23	13	59
Культура	4	9	64	22

Результаты показывают, что если дом, права, образование и государство примерно половина опрошенных студентов желают видеть как на Западе, а менее 15% – как на Востоке, то образ жизни, культуру, родственные связи

более 50% желают иметь как на Востоке или как пожелают близкие, а менее 30% – как на Западе. Происходит резкое противопоставление внешней (показной) жизни – как на Западе, и внутренней (духовной) культуры молодого образованного дагестанца – как на Востоке. В вопросах собственного внешнего вида респонденты не предпочли ни один из обликов – ни западный, ни восточный, ни местный – так на практике и есть.

А между тем в истории уже имеются показательные уроки нескольких периодов становления воспитательных ценностей в соответствии с культурным развитием общества, которые выделил С.Ф. Егоров [3]. В России еще в допетровское время была распространена православная югославянская образованность, которая имела явно выраженное греческое лицо. В основе реформаторской деятельности Петра I лежал образец европейской учености, проводником которой служили ученые-европейцы или обученные в Европе русские ученые. Сохраняя традиции православного воспитательного идеала, Петровская эпоха становится периодом утверждения западных государственных ценностей.

Культурно-воспитательный идеал эпохи Просвещения сформировал М.В. Ломоносов как идеал воспитанного человека – патриота, отличающегося трудолюбием, любовью к наукам, знаниям, высокой нравственностью и бескорыстным служением Родине. На какие образцы ориентирован этот идеал, не было единого мнения. А.С. Пушкин писал, что «воспитание иностранных университетов не в пример менее вредно воспитанию патриархальных». Но Е.Р. Дашкова, критикуя стремление к заграничному (французскому) воспитанию, подчеркивает, что «воспитание» прямого смысла у нас еще не имеет,

ибо оно доверено иногда проходимцам с парижских улиц [3, с. 132].

XIX век ознаменовался международным признанием величия России после победы над Наполеоном. С одной стороны, повысилось самосознание, самоуважение и национальное единство, а с другой – рухнула стена между Россией и Западом. Это не могло не привести к реформам в образовании и «стимулировало поиски ускоренной и оптимальной интеграции с западным миром через принятие его социокультурных образцов при одновременном сохранении собственной самобытности», – пишет Е.В. Иванов [4, с. 94]. Два направления общественной мысли – западники и славянофилы – не отрицали необходимость и важность взаимовлияния культур в цивилизационном процессе. Полярным было понимание в основном образцов для подражания, особенно воспитательных идеалов. Славянофилы отстаивали национально-самобытный путь социокультурного развития России и ее образования, лишь с незначительным *адаптивным* использованием западного опыта и идей. Западники считали, что наша страна должна творчески переработать и *усвоить* западные ценности (включая опыт обучения и воспитания).

В эпоху либеральных реформ XIX в. проблемы гражданского воспитания студенчества приобретают актуальность. Под гражданином понимался не просто житель и подданный Российской империи, а полноправный член российского общества, имеющий все возможности для сознательного деятельного участия в управлении им и реформировании его. Но из тайных глубин революционно-демократических сообществ вырастают террористы, готовые отвергать жизнь как самоценность ради призрачных идей в духе

восточных фанатиков. Активно примерялся собирательный образ молодого человека-революционера на основе западных ценностей, которому уготовлен «путь славный, имя громкое, чахотка и Сибирь» (А. Некрасов). Отношение российского просвещенного общества этого периода к нерусским народам страны отражено в термине «инородцы».

Революции начала XX в. разделили российский народ, семьи, личности на три группы – большевиков, меньшевиков и сочувствующих тем или другим. При этом большевики руководствовались в воспитании коммунистическими европейскими идеями, пересаженными на российскую почву, главный лозунг которых – «победа мирового пролетариата». Меньшевики, которые сами впоследствии были пересажены на европейскую почву, руководствовались идеями русского православия под лозунгом «спасем отечество». Сочувствующие, как в известном фильме «Свадьба в Малиновке», меняют шапку по обстоятельствам под влиянием инстинкта «спасем себя», тихо страдают раздвоением личности.

Победа СССР во Второй мировой войне, успехи в космосе и науках, влияние как ведущего государства на мировой арене, а главное, официально проводимая политика в отношении воспитательных ценностей способствуют распространению российских ценностей в мире; главное средство при этом – изучение русского языка. Соприкасаясь друг с другом, но так и не сливаясь, меньшевистская, большевистская и беспартийная культуры за 70 лет советской власти в России породили нечто, похожее на идеологического монстра и неопределенное в смысле культуры.

Воспитательные ценности русских, которые сложились после десятиле-

тий изгнания, наиболее глубоко отразились в философии И.А. Ильина. Н.Д. Никандров, справедливо отмечая, что «народ отличается от населения тем, что объединяется общими идеалами», приводит высказывание Ильина: «Пусть другие народы будут счастливы или несчастны по-своему и пусть не мешают нам строить Россию по-русски, жизненно и исторически верно без доктринерства и слепого подражания Западу!» [5].

В настоящее время идет поиск устойчивых ценностных ориентаций между демократическими ценностями Запада и национальными российскими ценностями [8]. При этом происходит идейно-политическое размежевание различных групп граждан. Процесс этот протекает в условиях рыночных отношений и характеризуется лихорадочным выбором между дореволюционными, коммунистическими, западными, исконно русскими ценностями. Культурная идентификация личности зависит не только от гражданской, этнической, религиозной, но и от социокультурной принадлежности человека. Например, идентификацию культурной принадлежности молодежи можно группировать по следующим признакам.

В первую группу можно включить тех, кого мало интересует его этническая и культурная принадлежность, — их круг общения в основном выстроен по иерархии в зависимости от социального положения человека. Они представляются по-западному, относятся к окружающим по-восточному. И как ни парадоксально, к этой группе относятся и те, кто поставлен в условия пограничного выживания (нищие, наркоманы, алкоголики и т.д.), и те, кто имеет дело с криминалом, и те молодые люди, которые принадлежат к «элитной» и властной верхушке.

Во вторую группу включим тех, кто болезненно воспринимают свою культурную принадлежность или чью культурную принадлежность неадекватно воспринимают другие. Обострение чувства самозащиты, самоизоляция и резкое отторжение другой культуры происходят обычно тогда, когда человек находится в чуждой ему монокультурной среде. Крайнее отражение этого — агрессивные действия как «местных», так и «приезжих» по восточному типу.

К третьей группе отнесем тех, кто постоянно подчеркивает свою культурную особенность. Этим недостатком страдают экстремистские слои «элитных» или «коренных» наций по примеру западного фашизма.

Четвертую группу составляют молодые люди, которые толерантно относятся к чужой культуре и умеют выделять достоинства своей культуры, проявляют себя как активные сторонники демократических реформ в обществе.

Все четыре группы не избежали того, что Эрих Фромм дал в понятие «рыночная личность», охарактеризовав нюансы личности современной эпохи. Ее признаки — примат потребления, накопления и производства материальных ценностей за счет выгодной продажи самого себя (своих качеств, способностей, знаний, умений) на конъюнктурном рынке экономического и социального пространства. Духовно-нравственный аспект личности становится невостребованным, невыгодным, непопулярным и даже неприличным. Девиз рыночной личности: «Жизнь коротка, и надо немедленно от нее получить все удовольствия и выгоды любым способом». «Происходит вытеснение культуры субкультурой», — считает С.Г. Ваниева [2, с. 8]. Даже высокодуховная российская культура, признанная во всем мире (наука, ба-

лет, космос), вытесняется балаганными представлениями. Е.В. Иванов пишет: «Если проанализировать ситуацию в мире последних веков и десятилетий, то нельзя не заметить, что доминирующими все больше становятся аксиологические приоритеты, сформировавшиеся на Западе. Принятый там образ жизни и мышления различными путями “оккупирует” другие цивилизации, включая и Россию» [4, с. 47].

В связи с этим нельзя обойти вниманием такую жизненно важную сферу молодежной жизни в России, которая вызывает множество проблем и является отражением западных ценностей, как сексуальная культура. Отличие России от Запада заключается не в направлении развития этой культуры, а в его хронологических рамках и в степени осознания общественностью происходящих перемен – мы сначала усваиваем ценности, а потом осознаем их проблемы, например демографические. Демократизация общественной жизни не должна означать разрушение моральных барьеров.

Характеризуя восприятие мировым сообществом ценностных представлений Востока и Запада в собирательном понятии, можно отметить *технологичный рационализм* западных ценностей людей, живущих в постоянном ожидании перемен в реальной действительности, и *иррационализм* восточных ценностей людей, ищущих собственный выход из цепи зависимостей мира и обретение освобождения в результате духовного саморазвития. Западные ценности материального бытия, технократизация и глобализация мировой экономики обращают на себя больше внимания, чем менее заметный процесс становления восточного мировоззрения, стремление к восточным традиционным духовным ориентирам. Но не следует идти за Востоком как за

духовным лидером. Справедливо отмечает Л.В. Баева, что просто необходимо снять двойные стандарты на все нехристианское в религии, мистическое в познании, недуральное, синтетическое в этике [1, с. 79]. Надо помнить: Запад – эхо громкое, а Восток – дело тонкое. Чужими ценностями можно любоваться, но не присваивать.

Именно в системе высшего образования происходит целенаправленная и эффективная ресоциализация – переобучение личности жить в условиях новых жизненных стандартов и ценностей, эталонов норм и морали, понятий о нравственности и безнравственности. В России университетское образование прежде всего должно означать принадлежность к определенной культуре, как в европейских университетах. Рассуждая о соотношении культуры и образования, можно убедиться, что университет в наши дни превратился в универмаг профессий, а образование ориентировано на прикладной характер знаний. Рассматривая становление культуры личности российского гражданина, М.Г. Тайчинов пишет: «Главнейшей государственной задачей в области образования является возрождение духовно-нравственного самосознания личности в контексте российского менталитета, целенаправленного на формирование глубоких гражданских чувств – любви к Родине, к своей культуре, традициям, подлинной истории, что поможет преодолению национального эгоцентризма и нигилизма, воспитанию уважения к совместно проживающим, сопредельным народам и культурам. Следовательно, культурное ядро содержания образования и воспитания должны составлять национальные и общечеловеческие ценности» [7, с. 4].

Процесс целенаправленного привития в процессе воспитания запад-

ных ценностей может привести к их отторжению или постепенной потере своих культурных корней и самобытности. Увлечение восточными ценностями – к иллюзорному представлению своего будущего, уводящего личность от решения проблем в настоящем. В этом отношении Россия имеет все шансы использовать религиозное и национальное разнообразие народов, ее населяющих, и выработать свою, российскую систему ценностей, не только не отторгаемых ни Западом, ни Востоком, но и служащих примером для них. Необходимо определить стержень воспитательных ценностей российской цивилизации на основании общих ценностей, исходя из многолетнего исторического, может, и недобровольного, единства народов России, на что и обращают внимание современные политики: «Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен прежде всего быть гражданином России...» [6]. И для этого не надо ждать новых кризисов

ценностей (они уже есть), а затем победоносных идеологических войн (они уже были).

Литература

1. *Баева Л.В.* Трансформация ценностей в современном обществе и проблемы научного творчества // Труды научно-методического семинара «Наука в школе». М.: Профессионал, 2004. Т. 2. С. 69–81.
2. *Ваниева С.Г.* Система нравственно-эстетического воспитания учащейся молодежи. Владикавказ: СОГУ, 2001.
3. *Егоров С.Ф.* История педагогики в России: хрестоматия. М.: Академия, 1999.
4. *Иванов Е.В.* О свободе в образовании // Образование и общество. 2003. № 4. С. 42–48.
5. *Никандров Н.Д.* Общество, школа, семья: православные традиции и современная Россия // Высшее образование сегодня. 2007. № 2. С. 18–24.
6. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос. URL: <http://www.putin2012.ru>.
7. *Тайчинов М.Г.* Формирование личности учащихся на духовных ценностях народа. М.: РИЦ МГОПУ, 1999.
8. *Тестов В.А.* Ценности российской цивилизации как стратегические цели образования // Педагогика. 2009. № 1. С. 15–21.
9. *Холодковский К.* Конфликт «западничества» и «почвенничества» в контексте других линий размежевания // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 6. С. 38–49.